

В прошлом году отмечалось 200-летие Пушкина. Амурские литераторы подготовили к этому событию ряд публикаций - статей, стихов. Некоторые из них были напечатаны в газете «Глагол» - приложении к «Амурской правде». К сожалению, в прошлом году выпуск нашего альманаха не состоялся, но, хоть и с запозданием, мы решили опубликовать пушкинскую подборку - чтобы сохранить память о праздновании юбилея великого поэта.

Игорь Игнатенко

«НАПРАСНО Я БЕГУ К СИОНСКИМ ВЫСОТАМ...»

Было это тридцать девять лет назад... Я учился в ту пору на втором курсе Благовещенского пединститута. Шли зимние каникулы, и я поехал к себе домой в Тамбовку отдохнуть и подкормиться на деревенских харчишках. На душе было тяжело: совсем недавно отец отвез мать в Москву в онкологическую клинику - безнадежно больную. Дом наш словно бы опустел.

В отсутствие матери за домом присматривали наши соседи Соповы, поскольку отец частенько бывал в командировках по району. Вот и на сей раз я не застал его, а в доме хозяйничала старшая из соседских дочерей - Валентина. Порядком продрогнув в дороге на попутке, я принялся отогреваться у топящейся печки. Валентина тем временем накрывала на стол. Отведав разваренной картошки, заправленной обжаренным салом с луком, напившись вдосталь чаю с шиповником, мы принялись толковать о студенческом житье-бытье.

Надо сказать, что соседка моя тоже училась в городе, в сельхозтехникуме на агронома, и нам было о чем поговорить. Постепенно мы перешли к поэзии, так как мне хотелось прочитать свои новые стихи. Но взять да и начать их читать просто так было неловко. И я решил прибегнуть к авторитету Пушкина. Снял с книжной полки только что полученный по подписке второй том собрания сочинений Александра Сергеевича, раскрыл наугад. Открылась страница 643, наверху стояла дата - 1836. Я продекламировал:

Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

«А я не напрасно...» - тихо, словно бы про себя, обронила Валентина. Тогда-то я и узнал горькую правду о том, как ее собрались исключить из техникума. Тамошние настырные комсомольцы проведали о религиозности семьи Соповых, учинили судилище над однокурсницей и по наущению комитетчиков потребовали выгнать девушку. Это ее-то, учившуюся в школе на круглые пятерки, побывавшую в Артеке, надежду и опору больной матери и вечного труженика отца, трех младших братьев и сестры! Да и в техникуме она была отличницей, обещала со временем стать прекрасным специалистом...

Долго в тот январский вечер говорили мы о Пушкине, о Боге, о жизни и смерти, о сионских высотах, где по библейскому преданию находится земля обетованная, рай, и куда стремилась всей душой моя восемнадцатилетняя соседка...

Минули годы... Многих поэтов узнал я за это время, полюбил и запомнил наизусть строки их стихов. Но Пушкин стоит особняком. И не потому, что нас так тому учили в школе, затем в институте. Его трудно с кем-то сравнивать, он космически велик и в каждую пору жизни дает нам если и не ответы на трудные вопросы бытия, то хотя бы путь к их пониманию. Все эти годы во мне созревало сочувствие к Пушкину. Роковым образом так случилось, что вскоре после описанного в начале статьи случая умер-

ла моя мать - тридцативосьмилетней, почти в пушкинском возрасте. И столько уже лет прошло...

Что это, провидение Господне? Случайное совпадение? Не знаю... Но сегодня мне кажется все чаще и чаще, что никакой мистики во всей этой истории нет. И когда церковники пытаются уверить нас в промысле Божиим, мне становится горько и холодно, как в ту зиму, когда умерла мама. Она была при рождении крещена своей глубоко верующей матерью. Я помню бабушку Марию, ее вечерние молитвы. Они были чуть слышны из бабушкиной комнатки, но я догадывался: она просит Бога за всех нас. Если бы эти молитвы дошли по адресу!

Пушкину исполнилось 200 лет. Понимаю, что фраза звучит неточно с бытовой стороны: правильнее было бы сказать - со дня рождения. Но это как раз тот случай, когда человек обретает права духовного бессмертия. Все дело заключается лишь в нас живущих, в нашей памяти.

Наверное, осознание этого феномена пришло к Пушкину именно тогда, когда он горько воскликнул: «Напрасно я бегу...» В тот год он создал свой «нерукотворный памятник», своеобразное поэтическое завещание. Неискушенному уму стихотворение это может показаться, банально говоря, нескромным. Но дело в том, что создание подобных «памятников» было к тому времени укоренившейся литературной традицией. Достаточно вспомнить Ломоносова и его перевод оды Горация «К Мельпомене»:

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру, но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззатный род препятством не был,
Чтоб внести в Италию стихи эольски,
И первому звенеть алцейской лирой.
Взгордися праведной заслугой, Муза,
И увенчай главу дельфийским лавром.

1747 г.

Нет никаких сомнений в том, что Ломоносов вслед за Горацием заслужил право на подобное самоутверждение. Отдадим, однако, должное его скромности, ибо все-таки не «памятник», а - «знак бессмертия».

Державин спустя почти столетия был менее сдержан в переводе, не стал указывать на первоисточник. Наверное, Гавриил Романович мог это себе позволить. Но не об этом сейчас речь, а о том, как он это сказал. «Старик Державин», заметивший юного Пушкина на экзамене в Лицее, отказывается от античной системы образов, стремясь быть максимально понятным соотечественниками.

И вот настала пора, когда «перо покоя просит», вслед за Горацием, Ломоносовым и Державиным приняться и Пушкину за сооружение своего литературного монумента. Впрочем, разве он не был создан к тому времени всей совокупностью его произведений!? Александр Сергеевич взял на себя труд тройного перевода - с латыни, старославянского и допушкинского русского языка, позаимствовав заодно у Горация и эпитафия («я воздвиг себе памятник» - с латинского).

В чем заключалась гениальность Пушкина? Прежде всего в его историзме, колоссальной образованности и начитанности. А еще, говоря современным языком, в умении самопрограммироваться. Возможно, причиной тому и генетика, на Руси полукровки отличались талантами. Комбинации хромосом причудливы! И смешными выглядят потуги иных толкователей Пушкина свести дело к единому знаменателю. Дошло до того, что нынешние служители христианского культа усмотрели в произведениях Пушкина не только несомненное влияние весьма ощутимой в стилистике 19-го века церковной риторики, но и прямой промысел Божий. Это они-то, потомки доносчиков на Пушкина царю, виновники его ссылки! Религия с ее постулатами покорности, терпения, всепрощения, слепой веры - и Пушкин. Не вяжется все это.

Мне четыре года назад пришлось написать статью на подобную тему. Желавших прочитать ее могу отослать к газете «Амурская правда». Похоже, что соблазн призвать Пушкина под знамена христианства не отпускает «святую» братию. Ну да Бог с ними! Они профессионалы и делают положенное им дело. А вот куда понесло учителей-словесников общеобразовательной современной русской школы? Получив в наше либеральное время возможность прочесть Библию, впали иные неофиты от христианства во искушение и соблазн. Потянуло их поупражняться в применении цитат из Ветхого и Нового Заветов к тем или иным реалиям быта и Бытия. Уверен, что с равным успехом они прибегли бы, создайся сходная с нынешней ситуация, к Талмуду или Корану.

Да, Пушкин высоко ценил текст Евангелия как собрание человеческой мудрости, иначе и быть не могло. В не меньшей степени он ценил сочинения великого атеиста Вольтера, чью библиотеку он изучил от корки до корки, благо царь разрешил к ней доступ. И знал, конечно же, меткое замечание Вольтера: «Если бы Бога не существовало, его надо было бы придумать». Вера - дело интимное. Вряд ли бы живой Пушкин допустил ревнителей церковности в свою душу. К священникам он относился определенно: «Не гонялся бы ты, поп, за дешевизною!» («Сказка о попе и о работнике его Балде»).

Евангелие вдохновило Пушкина немало строк и даже целые стихотворения. Всего один лишь пример. Помните:

**В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твой лобзанья
Мне слаще мирра и вина.**

**Склонись ко мне главою нежной,
И да почиет безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двинется ночная тень.**

1825 г.

Интересно заглянуть в первоисточник, давший вдохновение поэту. Итак, Ветхий Завет, Песнь песней Соломона, два первых стиха главы первой: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина. От благоговения мастей твоих имя твое, как разлитое мирро; поэтому девицы любят тебя». Как не восхититься взволнованным диалогом царя Соломона и стерегущей его виноградники «черной, но красивой» Суламитой!

Причудливы пути влияния и проявления его в произведениях разных поэтов. Лично меня «Песнь...» подвигла на создание стихотворения, эпитафией к которому я

взял стих 5 главы 2 этого шедевра любовной лирики: «Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви». Но Муза повела меня несколько иначе, чем можно было бы ожидать.

**Кто мне скажет, когда я смогу
Отovarить талон на спиртное,
На крупу, маргарин и иное?
Но эпоха в ответ ни гу-гу...**

**Подкреплюсь жидковатым чайком,
Что под стать прошлогоднему сену.
До чего ж либеральные цены -
Пустьят по миру враз голяком.**

**Освежусь из бачка огурцом,
Что на даче лелеял все лето.
Таковы вот замашки поэта:
Еле жив, а глядит молодцом.**

**Но когда скovyрнусь с хилых ног,
Упаду, промычав: «Мать Россия...»
Скажет новый Пророк и Мессия:
«От любви, знать, мужик изнемог».**

1991 г.

Посылая 1 декабря 1823 из южной ссылки А. И. Тургеневу письмо со стихотворением «Свободы сеятель пустынный...», Пушкин так характеризует это произведение: «Я... написал на днях подражание басне умеренного демократа Иисуса Христа». И это вовсе не ерничество, как может показаться на первый взгляд, а реальный взгляд на историю, отображенную в книгах Библии.

За три месяца до своей трагической гибели Пушкин пишет Чаадаеву: «...Нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и все. Оно не принадлежит к хорошему обществу» (Собр. соч., том 10, стр. 309, 1962 г.). Не уверен, что с пушкинских времен духовенство сильно прогрессировало, если для укрепления символа веры прибегает к любым ухищрениям, в том числе и спекуляции на авторитете Пушкина. Тот посмеялся бы Александр Сергеевич, предвосхищавший время, когда «у позорного столба кишкой последнего попа последнего царя удавим»!

Священнослужителям лестно за давностью дней отпустить Пушкину грехи. А не они ли сами его подвигли на грех лжесвидетельства, когда он на Верховной комиссии, куда был вызван по доносу петербургского митрополита, вынужден был отречься от авторства «Гавриилиады»? Николай I простил Пушкину этот «грех», навязав ему тем самым долг чести. Цена же этого долга, как показала история, - сама жизнь. В конечном счете, не Дантес убил Пушкина, а те, кто позволил ему это совершить. Тут для нас тайны нет.

Апологеты «христианизации» Пушкина напирают на то обстоятельство, что де незадолго до гибели в творчестве поэта усилились евангельские мотивы. Простим им это «открытие». Они намекают так, словно бы им исповедовался Александр Сергеевич на смертном одре, раскаиваясь в вольномыслии и богохульстве молодых лет. Но обратимся не к домыслам, а к самому Пушкину. В стихотворении «Воспоминание» (1828) он словно бы отвечает грядущим непрощенным пастырям:

**...И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.**

Мужественность этого поэтического и человеческого поступка (что у иных «мастеров пера» не всегда одно и то же) - потрясает. Чтобы острее ощутить всю силу этих строк, вспомним отчаянное восклицание Блока: «Молчите, проклятые книги! Я вас не писал никогда».

В подобной ситуации Есенин был гораздо ближе к Пушкину, когда в маленькой поэме «Черный человек» нарисовал беспощадно самого себя: «Черный человек водит пальцем по мерзкой книге и, гнуся надо мной, как над усопшим монахом, читает мне жизнь какого-то прохвоста и забулдыги, нагоняя на душу тоску и страх». И все-таки величественнее всех именно это пушкинское: «строк печальных не смываю»!

Он был безнравственным?
Не верьте слухам!
Бессчетно влюбчивым?
Так ну и что же!
Ведь чем заоблачней
Вершины духа,
Тем глубже пропасти
У их подножий.

Прошу прощения за цитирование самого себя. В конце концов это не «адвокатские» стихи, а всего лишь некая попытка приблизиться к пониманию Пушкина. Что и толковать - задача заманчивая, недостижимая, но постоянно стоящая перед нами. Есть у меня и другие строки, навеянные Пушкиным («Желание», «За честь свою он поднял пистолет...», «Баллада о ноже», к примеру). В них я далек от мысли «прихорашивать» образ поэта или же греться в лучах его славы (помните у Гоголя: «С Пушкиным на дружеской ноге...»). Оставим эту тщету самолюбивым эпигонам. А вот учиться у Пушкина незазорно в любом возрасте и на любой ступени общественного положения.

И еще почти мистическая история. Я имею обыкновение на сон грядущий вспоминать наизусть какие-нибудь

любимые стихи. Чаще всего они звучат как своеобразная молитва, ибо что такое лирическое стихотворение, как не молитва, обращенная к Провидению с просьбой умиротворить, дать отдохновение?

В тот вечер перед сном я прочитал «Храни меня, мой талисман...», посвященный Пушкиным графине Елизавете Ксавьерьевне Воронцовой. И заснул, успокоенный крепко. А ночью, в половине четвертого меня разбудила жена: «Вставай, в доме пожар!» Как оказалось, горел подвал нашего дома, подожженный наркоманами.

Квартира была полна едкого дыма, не проснись вовремя жена, промешкай мы еще четверть часа, и все мы - супруга, дочка, внучка и я - погибли бы, как случилось в этот же день в Самаре, где заживо сгорели более шестидесяти сотрудников местного УВД. «Мой талисман» оберег наши жизни. И никто меня не разубедит, что это не Пушкин спас всех нас в ту страшную ночь. Я уже не говорю о том, что Пушкин спасает нас постоянно от узкомыслия и догматизма, от ханжества и лицемерия, от нищеты духа, к которой так призывают толкователи религиозных текстов. Но довольно об этом!

P.S. Недавно мне позвонила та самая моя соседка, с которой мы читали тридцать девять лет назад второй том стихотворений Пушкина. «Неужели это ты, Валентина!» - не удержался я от восклицания почти пушкинского («Ужель та самая Татьяна!»). Да, это была она. Мы встретились, вспомнили наше деревенское отрочество и юность, поэтические мечтания и суровую прозу жизни.

Из техникума Валентину исключили. Работала в Тамбовском КБО швеей, встретила единовеца и вышла замуж. Родила и воспитала одиннадцать детей. Она по-прежнему «бежит к сионским высотам».

Олег Маслов

ПОЭТ В РОССИИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЭТ?

Не надо Пушкина принимать в партию. Ни в какую. Он - поэт, и этим все сказано. Но то, чего при жизни не сделал он сам, на протяжении вот уже более полутора столетий с завидным упорством пытаются сделать его потомки, представляя поэта то декабристом, то монархистом, то атеистом, а то и христианским проповедником. И у всех ведь находятся доводы, подтверждающие, что он является единомышленником тех, кто их выдвигает. Но стоит вникнуть в его творчество, сопоставить некоторые факты биографии, как ясно видишь, что он сам отвергает приписываемые ему политические и религиозные пристрастия. Увлечения и заблуждения, конечно, были, но, как истинный поэт, он всегда умел подняться над ними.

Да, в ранней юности Александр Пушкин вращался в кругу вернувшихся из Европы молодых офицеров, проникся их республиканскими настроениями и написал несколько вольнолюбивых и довольно дерзких по тем временам стихотворений.

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

За эти стихи самовластье и сослало его сначала в южную, а потом в северную ссылку. В Михайловском его навещил лицейский друг, будущий декабрист Иван Пущин. Они о чем-то говорили (теперь-то уж нетрудно догадаться о чем), возможно, Пушкин что-то поддерживал, что-то обещал. Но вот получен роковой сигнал о готовящемся декабрьском выступлении. Пушкин собрался в путь, сел в

сани и поехал, но ... передумал и вернулся. Почему - попутно встретился, заяц дорогу перебежал? Да, полноте, - хоть он и был суеверным человеком, но не настолько, чтобы из-за каких-то примет изменить серьезное намеренье. Может, страх одолел? Тоже отпадает - другой великий поэт абсолютно точно назвал его «невольником чести», который ради ее защиты встал под дуло пистолета. Тогда что же все-таки заставило его вернуться? Это как раз тот случай, когда Поэт взял верх над обывателем. Дело в том, что к тому времени А. С. Пушкин написал «Бориса Годунова» и пережил, продумал, прочувствовал весь трагизм цареубийства и незаконного захвата власти, воочию увидев какие беды это принесло в прошлом его народу. Именно это помогло ему государственно взглянуть на грядущее событие, которое готовили его друзья в Петербурге, и, понимая его историческую аморальность и преступность, найти в себе силы отказаться от личного участия в нем.

Всю жизнь величайший поэт России создавал в своих произведениях образ величайшего Государя своей страны, каковым был для него Петр I.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей рукой
На троне вечный был работник.

Равняться на него поэт призывал и современного ему императора Николая:

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращурю подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.